Н. П. Огановский.

А. Меркулов
30/VII 22

ОБЩИНА
И
ЗЕМЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО.

.....

Издательство Наркомзема
„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ".
Москва □ 1922.

Р. В. Ц. № 99—Москва. Тираж. 10.000 экз.

5-я Гос. Тип. (Бывш. Русск. Тов.) Москва, Мыльников, 14.

ОБЩИНА И ЗЕМЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО.

Две воли.

Шестьдесят слишком лет тому назад манифестом 19-го февраля 1861 года, крестьяне получили царскую «волю». Известно, какая это была воля; пятая часть прежних крестьянских наделов была прирезана к господским имениям, а на остальную землю самодержавная власть наложила тяжелые выкупные платежи, которые в иных местах в два и больше раз превышали их доход от земли. Словом, царская воля породила две главные беды крестьянства—малоземелье и большие подати, и беды эти все росли и росли, потому что население стало быстро размножаться, и через 50 лет вместо 55 мил. душ сельского населения в Европейской России оказалось 105 мил., почти в два раза больше. Удвоилось население, а земля все та же,—да и урожаи на ней прибавились самую малость, а в иных местах даже пошли частые голодовки от истощения перепаханной почвы.

От земли же крестьянам некуда было податься: промышленность наша развивалась слабо, города росли мало, всего избыточного населения деревни вместить не могли. Вот почему крестьяне тогда и жили и умирали с одной неизбывной мыслью о земле. Всеми способами, какие были у них в распоряжении покупкой, арендой, переселением добивались они прибавки земли; больше половины господской земли они забрали в свои руки, заплатив за нее до 15 миллиардов золотых рублей, а жить им становилось все тяжелее, да тяжелее. И думали они, что вся беда у них от малоземелья и если захватить и поделить «по божьему»—по душам все господские земли— они сами станут чуть—ли не господами. Но вот пришла и вторая воля, которую никто не дарил крестьянам, а они сами завоевали себе вместе с рабочими. Завоевали они волю и всю землю и поделили, как хотели—по душам. Только тогда и обнаружилось, как мало оставалось земли, которая еще не находилась в пользовании крестьян; по 29 губе-

рниями до революции приходилось на едока по 1,87 десятины, а после революции стало 2,26 дес.,—прибавка меньше четырех десятых или тысячи квадратных саженъ на душу. Во многих губерниях, особенно в тех, которые сильнее страдали от малоземелья, эта прибавка была еще меньше: по четвертушке, осьмушке и десятой доле десятины.

Но как ни мала прибавка, а больше брать неоткуда. Приходится крестьянам подумать о том, как лучше хозяйствовать на той земле, какая есть в натуре. Неправду говорили старики: «земля не резина—ее не растянешь». А вот за границей, например, в Бельгии или в Германии, урожаи пшеницы и ржи втрое больше наших. Да паровых полей там нет вовсе: вся пашня идет под посев. Стало быть одна десятина тамошней пашни дает столько хлеба и других продуктов, сколько четыре десятины наших. И на трех, четырех десятинах там крестьяне живут лучше, чем у нас на десяти. Вот значит и растянули иноземцы землю — ее плодородие, как резину. Один русский ученый, ныне покойный, профессор Чупров, любил говаривать, что если бы у нас десятина хлеба давала вместо 40 пудов—80, это было бы все равно, что прибавить крестьянам еще 100 миллионов десятин пашни. А поднять урожай на 40 пудов при наших плодородных почвах вовсе не так уж трудно.

Отчего же крестьяне прежде не поднимали урожаи на своих наделах? Некоторые «господа» говорили—оттого, что наши крестьяне—пьяницы и лентяи.

Это не правда: в Европе крестьяне пили больше, да умеючи, а работали не больше наших, да тоже умеючи. Чтобы земля давала большие урожаи, не надо надрываться над ней без пользы, а надо знать, когда и сколько раз вспахать, когда посеять, чем подкормить землю—навозом или искусственным удобрением—тем самым, которое крестьяне зовут порошком. Надо иметь хорошие машины—плуги, сеялки, жнейки, молотилки, всхожие семена лучших сортов, крепких лошадей, удойливых коров. Надо сеять не только рожь, овес и пшеницу, а и кукурузу (на юге), просо, всякие другие хлеба, травы, корнеплоды, масличные растения; делить пашню не на три, а на шесть, восемь и больше полей, и каждое поле засевать особым растением, большую часть которых европейский крестьянин выращивает не для себя, а на ***продажу, на рынок.*** Вот и у нас, чтобы завести новое улучшенное хозяйство— нужен сбыт, нужно, чтобы у крестьян даром

не пропадала сеяная трава, свекла, картофель, лен, подсолнух. Надо, чтобы наш крестьянин мог во-время и по хорошей цене продать свои продукты, во-время и дешево купить на рынке все, что требуется для семьи и хозяйства. На все это требуется оборотный капитал. Наконец надо, чтобы и крестьяне имели право без всякого препятствия устраивать товарищества, союзы, собрания для улучшения хозяйства и чтобы образованные люди свободно допускались в деревню.

Словом, чтобы перейти на улучшенное земледелие, нашим крестьянам нужны были **три вещи: знания, торговые обороты и свободные права.** У прежних крестьян ничего этого не было, потому и дорога к улучшению своего хозяйства была им заказана.

У нынешних — уже кое-что завоевано революцией, и эти завоевания гораздо больше пользы принесли, чем те 40-50 миллионов десятин «господской» земли, которые получили крестьяне. Завоеван свободный доступ знанию в деревню. Обеспечен свободный сбыт сельско-хозяйственных продуктов: на рынке, кроме крестьян, нет других сельских хозяев. Уничтожены огромные платежи за землю, которые платили крестьяне помещикам и банкам; с окончанием гражданской войны становятся легче и легче казенные повинности. Крестьянин получает возможность легко накоплять оборотные средства и приобретать усовершенствованные орудия. Если этих средств не хватит, крестьянам придет на помощь сельско-хозяйственный кооперативный кредит. А самое главное,—пожалуй, то, что эта вторая революционная воля принесла крестьянам право пользоваться землей, как они хотят, то право, которое только что окончательно утверждено IX Всероссийским Съездом Советов. Вот об этой новой свободе—свободе **устроения земли**, мы и хотим в этой книжке рассказать подробнее, потому что правильное земельное устройство подобно прочному фундаменту, на котором только и можно построить хорошее хозяйство.

Земельное утсройство до революции.

До революции существовало два вида земельного устройства: **народное**, созданное самими крестьянами с давних времен, которое в иных местах уже не подходило к новым формам улучшенного хозяйства, и **правительственное**, старавшееся привить крестьянам не только добровольно, а подчас и насилием, иные

способы пользования землей, которые правительство считало для крестьян наилучшими.

Народная форма землепользования и землеустройства—о б щ и н а, которая изменялась вместе с развитием сельского хозяйства. Пока население еще не занимается землей, —а живет звероловством и кочевым пастушеским хозяйством,—как и сейчас еще в Сибири живут северные инородцы и киргизы, у них господствует родовой быт и родовая община, т.-е. каждое племя делится на роды, и каждый род кочует на особо отведенном ему участке, которым все родичи пользуются сообща. Когда население уже оседает на землю, но земли еще много для всех, роды распадаются на семьи, и каждая семья может захватить себе столько земли, сколько ей нужно, но не выходя из границ своей волости. Эта в о л ь н о з а х в а т н а я волостная община существовала до тех пор, пока не началось утеснение в земле. С началом утеснения, когда все з а л о г и были распаханы, крестьяне перешли на трехполье, уничтожили вольные захваты земли и стали делить ее поровну—по работникам, по мужским наличным душам, либо—по едокам. Чем больше прирастало народу, чем меньше приходилось земли на каждого, тем ровнее делилась земля между всеми членами общины. Такая у р а в н и т е л ь н о-п е р е д е л ь н а я община распространилась вместе с трехпольным севооборотом по всей коренной России в 19 веке и, несомненно, для того времени, она была хороша тем, что избавляла от обезземеления миллионы крестьян, которым от земли некуда было податься.

Но улучшенному земледелию уравнительно-передельная общине мешала—мешала дальноземельем, чересполосицей, принудительным севооборотом и частой передвижкой полос от одних хозяев к другим во время частых переделов. И когда в начале 20-го века крестьяне в некоторых местностях коренной России стали переходить от трехполья на многопольные севообороты,—таким передовым хозяевам общинное землепользование стало поперек дороги.

В феврале 1906 года, в Москве, был устроен съезд крестьян старообрядцев, обыкновенных средняков. Этот съезд раскололся на два лагеря: защитников и врагов общины.

Защитники говорили: «Община способствует справедливому распределению земли между крестьянами»; противники утверждали, что «община мешает удобрению земли и своевременной обра-

ботке. Опытом доказано, что община не дает таких результатов, как подворное владение, что испытано нами, подписавшими таковые факты».

К тому времени, когда крестьяне стали разделяться на два лагеря по вопросу об общине, подоспели столыпинские законы, разрушавшие общину сверху. По указу 9-го ноября 1906 года и по закону 1910 года, укрепили свою землю добровольно два с половиной миллиона хозяев; по последнему закону, если в общинах, в которых не было переделов со времени наделения их землей, хотя бы один двор подал заявление о выдаче ему удостоверения об укреплении за ним земли—вся община считалась перешедшей к подворному владению. Таких дворов, насильно переведенных из общинников в подворники, было один миллион семьсот тысяч. Да настоящих старинных подворников числилось три с половиной миллиона дворов. А всего со времени революции подворников оказалось около 8 миллионов, а общинников—6,2 миллиона. Следовательно, подворников было у нас больше половины.

Однако, земельное устройство в подворных владениях было не одинаково. В одних местах подворники остались при старой чересполосице, в других сверстали свои полосы к одному месту и выделили их в хутора и отруба. Всего выделилось на хутора и отруба немного более полутора миллионов хозяев; стало быть, подворников с чересполосным владением осталось шесть с половиной миллионов дворов.

Подворно-чересполосное владение также мешает улучшенному хозяйству, как и общинно-чересполосное, а бывает и хуже. В чем главные препятствия улучшению хозяйства в общине? Во первых, в том, что полевые наделы удалены от усадьбы. В черноземных губерниях деревни обыкновенно большие, состоят из 400—500 дворов, поэтому и полевые наделы, принадлежащие этим деревням, тоже большие—дальний конец поля отстоит от усадьбы на—15 верст. Попробуйте-ка тащить туда удобрение да везти с дальнего конца поля тяжелые грузы картофеля, свеклы, тысячи пудов соломы при хороших урожаях. Навоз дальше полутора—двух верст от усадьбы обыкновенно не возят; не садят далеко и корнеплодные овощи.

Во-вторых, такие же большие и бесполезные затраты времени и труда приходится затрачивать крестьянам при многополосице, когда надел разбросан в десятках полос, и земледелец ездит с полосы на полосу со всеми своими орудиями. Высчитано, что при

40—50 полосах крестьянин за полевыми работами делает до 3000 верст поездок, т.-е. столько, сколько надо проехать по железной дороге, чтобы добраться, например, от Москвы до Сибири. На эти поездки уходит время и труд даром, и на улучшенную обработку его остается мало.

А между тем в подворно-чересполосной деревне остаются то же дальноземелье и чересполосица, если наделы не сверстаны в хутора и отруба.

На хуторах с дальноземельем кончают совсем. Здесь, как говорится, у крестьянина вся земля в одном глазу. Близость пашни от двора дает возможность улучшенной обработки земли. Благодаря отсутствию чересполосицы нет принудительного севооборота — старательные хозяйства заводят многополье с травосеянием—клевер, кормит скот и кормит землю. Плохие сенокосы, кочкарники, заросшие кустарниками пустоши—все эти «бросовые» земли разрабатываются, идут в разделку, обращаются в ценные угодья. Земля старательно навозится. Пары поднимаются в свое время. Прекращаются всякие споры с соседями; зерно при перевозках сохраняется и т. д. Выгод от перехода на хутора очень много; но дело в том, что хутора устраивать можно не везде, а только в таких местностях, где есть много водных источников — рек, ручьев, озер; где разнообразные полевые угодья—пашни перемежаются с лугами, рощицами, выгонами небольшими участками, потому что каждому хуторянину нужно вырезать в особицу по куску пашни, сенокоса и друг. угодий.

Вот почему на хутора выходили больше всего крестьяне западных и северо-западных губерний: Псковской, Новгородской, Петроградской, Смоленской, Витебской, Могилевской. В остальных местностях большинство выделенцев оставили свои усадьбы в деревнях и лишь полевые земли сверстывали в отруба. Тогда чересполосица устранилась, но дальноземелье осталось, и отрубное землеустройство не приносило такой пользы для улучшения хозяйства, как хуторское. Отруба наиболее распространились на юге и юго-востоке в Полтавской, Харьковской, Херсонской, Саратовской, Самарской, Ставропольской, Донской Области — там, где было мало воды и многодворные села.

Такие села обыкновенно скучены по берегам рек, а полевые наделы их тянутся холстом по сухим более высоким рав-

нинам, где разыскать воду для каждого хутора очень трудно. Вот почему там хуторские хозяйства мало распространялись.

В некоторых местах, однако, крестьяне придумали такой способ, который уничтожал дальноземелье без перехода на хутора. Это—способ расселения, больших сел на отрубные поселки.

Вот пример такого расселения. В Харьковской губ. одно большое село разошлось на выселки, которые расселились, как лучи, расходящиеся от солнца, на расстоянии 3—5 верст от прежнего села. В старом селе остался базар, потребиловка, сельско-хозяйственное общество, церковь, школа. Туда крестьяне съезжались для торговли, решения общественных дел, послушать лекцию, посмотреть спектакль. Туда же ходили дети из поселков в школу.

Таким образом, расселением на отрубные поселки крестьяне добивались и правильного землеустройства, и не потеряли ни торговых, ни общественных связей, необходимых и для доходности хозяйства и для просвещения—для души и для тела.

Один крестьянин так писал об отрубных поселках: «Мне, измученному общественной неурядицей и земельной нуждой, во сне и наяву снится маленький поселок в несколько домов на отрубной земле в 10—12 десятин на семью, где возможно полное соревнование в хозяйственном отношении и неотчужденность человека от человека в деле личном».

Таково было земельное устройство крестьянских хозяйств до революции. Из 14,3 миллионов всех (к 1912—13 г.г.) в 47 губ. Европейской России $6^1/_2$ миллионов было подворно-чересполосных владений, 6,2 миллиона общинно-чересполосных и 1,6 миллионов подворно-участковых—хуторских и отрубных, из которых хуторских была значительно меньшая часть. Таким образом, почти девять-десятых всех хозяйств—около 13 миллионов было чересполосных, с самым плохим земельным устройством. Разрушение общины столыпинскими законами правильному устроению земли мало помогало.

Земельное устройство после революции.

В первые же месяцы после революции принудительно уничтоженные общины были восстановлены опять в своих правах, а затем крестьяне общинники, а иногда и подворники, стали производить повсюду черные переделы, не только надельных,

а и бывших господских земель; также зачастую, пускали в общий котел земельного «равнения» хуторские и отрубные участки своих бывших односельчан. Особенно сильно разрослось уничтожение подворно-участковых владений в средних черноземных губерниях и в Поволожьи. Однако в северных губерниях крестьяне сами установили правило, что «хуторские участки не должны разбиваться на чересполосицу, и хуторское хозяйство должно оставаться в своем прежнем виде».

А в западных губерниях (Новгородской, Смоленской) крестьяне и на съездах признавали хуторскую форму наилучшей, и во многих местах даже начали расселяться сами, без всякой помощи и указки от властей и землеустроителей.

Когда же кончился передел помещичьих и надельных земель, стремление крестьян округлить свои участки и выделить их в хутора и отруба стало заметно развиваться уже в 20 губерниях не только северных, западных, а и в Московской области. Во многих местах, однако, местные земельные отделы считали разверстание на хутора и отруба «самовольством» и старались ему воспрепятствовать.

В черноземных губерниях хутора и отруба развиваются и сейчас очень слабо; вместо них крестьяне стараются расселиться на выселки там, где это позволяют им сделать средства и силы, и сверстать разбросанные малые узкие полосы или в отруба, или в широкие полосы, на которых может свободно повернуться плуг с лошадью, и сосед не мешает соседу сеять хлеб, какой угодно. При узких полосах все смежные владельцы этих полос должны сеять одинаковые хлеба, иначе семена помешаются, и на жнивах нельзя будет пасти скотину после уборки хлеба.

Этот принудительный севооборот очень стесняет переход крестьян, желающих, по совету агрономов, попробовать посев новых растений, ввести черный пар и разные другие улучшения в свое хозяйство. Уничтожить принудительный севооборот можно 1) сверсткой узких полос в широкие и в отруба, 2) подсевом на полях трав, кукурузы и др. растений, дающих обильный корм скоту. Тогда пастьба скота по парам и жнивам не будет нужна— скот станет, как у европейских крестьян, кормиться в стойлах.

Таким образом, после революции, на ряду с возрождением общинных переделов, среди самих крестьян возникло (самочинно) широкое движение к правильному земельному устройству,—к вы-

делу на хутора и отруба, к расселению на отрубные поселки и к сверстке узких и мелких полос в широкие и крупные.

Ныне Советская власть признала самым правильным предоставить крестьянам земельную свободу, и IX Всероссийский Съезд Советов постановил: «каждое земельное общество в праве избрать, по постановлению большинства его полноправных членов, ту или иную форму землепользования: товарищескую, общинную с широкими полосами отрубную, хуторскую или смешанную». Съезд признал, что для развития крестьянского хозяйства необходимо правильное и прочное устойчивое пользование землей, предоставленной крестьянам, а потому и общинные переделы должны происходить как указано в законе, не чаще, чем один раз в три севооборота—т.-е. при трехполье—раз в 9 лет, при четырехполье раз в 12 лет и т. д. Во время переделов, каждый член общины, если захочет, может выделить свой участок в отруб или хутор; а между переделами одиночные выделы воспрещаются и разрешается выделяться лишь группам, составляющим не меньше пятой (в иных местах—четвертой или третьей) части дворов данного общества. Можно производить земельное устройство и не выходя из общины, для чего лучше всего крестьянам, желающим сверстать свои полосы в широкие или в отруба, или подготовить дальнейший шаг к выселению, либо ввести посев новых растений — соединяться в свободные земельные товарищества.

Что такое земельное товарищество?

Хотя после революции общинное землепользование с переделами распространилось широко по всей крестьянской России, однако, нельзя думать, чтобы оно удержалось надолго повсюду, потому что община в том виде, в каком она сложилась при старом земледелии—с трехпольным севооборотом, с частыми уравнительными переделами и передвижками участков, с дальноземельем и мелкополосицей—слишком сильно мешает новому улучшенному хозяйству. Для того, чтобы наш крестьянин мог обрабатывать землю так же старательно, как в Западной Европе, чтобы он вкладывал в нее побольше труда и удобрения, надобно, чтобы он прочно владел своим участком до тех пор, пока все его затраты не оправдаются, чтобы дальний конец поля отстоял от усадьбы никак не далее полутора-двух верст и чтобы надел его был не в десятках мелких полос, а самое большее в 3—5 отрубах или широких полосах. Еще

лучше, если деревенские поселения сменяются разбросанными хуторами.

Но, во-первых, хутора возможны далеко не везде, а как мы говорили, лишь там, где много воды и где угодья разнообразны. Во-вторых, чтобы разверстать миллионы крестьянских хозяйств на хутора и отруба, нужно потратить много времени, сил и средств, как самому населению, так и казне. Средств у казны на это дело сейчас нет—внутринадельное землеустройство должно производиться за счет самих крестьян. Если при старом правительстве, которое тратило на это дело десятки миллионов золотом, в десять лет вышла на хутора и отруба только десятая часть всех крестьянских дворов в России,—надо ожидать, что и теперь, при всем стремлении крестьян к выделам, в ближайшие двадцать-тридцать лет у нас на хутора выделится лишь очень небольшая часть крестьян. На одиночные отруба разверстается также немного, а большинство общинников, если и прекратит переделы, так останется при подворно-чересполосном землепользовании, еще более вредном, чем общинная чересполосица, потому что крестьяне-подворники дробят свои полосы, как захочет каждый хозяин, а в общине полосы нарезаются по общему уговору, все одинаково равные, с выходом или на межники или на проселочные дороги. Чтобы устранить чересполосицу в общинной и подворной деревне, чтобы подготовить расселение на хутора и отрубные поселки, чтобы ввести новые севообороты, осушить или оросить болотные либо безводные участки, чтобы пользоваться сообща полученными от правительства или кооперации ссудами, чтобы снимать большие участки земли в аренду сообща, чтобы прекратить дробление наделов при переходе по наследству, чтобы пользоваться сообща тракторами или другими большими сельско-хозяйственными машинами—для всех таких дел требуется образование земельных товариществ.

Земельное товарищество—это свободный союз крестьян, составляющийся: во 1-х, с целями подготовки к земельному устройству, во 2-х, для мелиораций (улучшения неудобных и малоудобных земель), в 3-х, для совместной аренды крупных участков, в 4-х, для страхования земельных наделов от дробления, в 5-х, для совместной обработки земли, пользования крупными машинами, развития земледелия и скотоводства, в 6-х, для устройства переселенческих участков. Словом, во всех тех случаях, когда какие-либо хозяйственные или земельные улучшения требуют общего пользования землей—старую передельную

общину, принудительно связывавшую крестьян обязательным севооборотом, должно заменить вольное земельное товарищество, в котором члены этого товарищества трудятся сообща над каким-нибудь улучшением, пользуются сообща полученными ссудами или приобретенными машинами, но получают и расходуют продукты своего труда каждый в особицу. Этим товарищества отличаются от коммун и артелей, где и продукты каждого члена поступают в общий котел. Стало быть, земельное товарищество отличается и от общины—добровольностью своего союза и от хозяйственных коллективов-коммун и артелей свободным пользованием продуктами труда каждым членом отдельно.

Перечисленные сейчас задачи образования земельных товариществ могут быть сведены к четырем главным: 1) для землеустройства, 2) для земельных улучшений, 3) для правильного земельного оборота и 4) для улучшений в сельском хозяйстве.

Рассмотрим подробнее каждую из этих задач.

1. Деятельность земельных товариществ при землеустройстве.

Общинное да иногда и подворно-чересполосное владение стесняет крестьян в свободном хозяйственном распоряжении их участками. Выйти на хутора, как мы видели, можно не всегда, да и переход этот связан с большими расходами.

Переверстываться всем селом на отруба и на широкие полосы—для этого надо сговориться большинству хозяев селения. Ну, а если в селе, скажем, из сотни дворов—пятнадцать-двадцать передовых крестьян согласились бы сверстать свои наделы в отруба или на широкие полосы,—они и составят земельное товарищество, которое может потребовать, чтобы им выделили особый участок из земель, принадлежащих селению или особые куски в каждом из трех полей, которые они и могли бы землеустроить так, как они считают нужным. Это первый случай образования земельных товариществ. Второй—когда члены товарищества задумают перейти на отрубной поселок. Положим, крестьяне-общинники выделят им для этой цели особый клин подальше от усадьбы. В этом клину не вся земля удобна—попадаются и овраги и болота, кочкарники, нерасчищенное мелколесье и кустарники, наконец нет еще колодцев для людей и водоемов для скота. Прежде чем переселиться на отдельный клин, надо уничтожить на нем все неудобства, закрепить овраги, осушить болотца, срезать кочкарни-

ки, расчистить поросли, улучшить луга, выкопать колодцы и водоемы и, наконец—провести дороги от главного села к будущему поселку.

Получивши от правительства или от кооперации денежную ссуду на производство этих улучшений, земельное товарищество в два-три года приводит назначенный ему участок в пригодный вид; затем сообща, помогая друг другу, переводит постройки из села, устраивается на новом месте, делит всю доставшуюся ему землю на отруба и начинает хозяйствовать на свободе и по новинке. Если у него хозяйство пойдет хорошо, образцово, то глядя на наше земельное товарищество и деревенские старички начнут сами подумывать о расселении, и глядишь, через десяток—другой лет вместо огромного села в 400—500 дворов с наделом, растянутым холстом верст на пятнадцать и представляющем зимою дикий пустырь, в котором не убережешься ни от волка, ни от лихого человека—образуется 15—20 поселков, вокруг каждого из которых вся земля будет собрана в одном куске, нарезана на отруба, так что до дальнего конца поля будет рукой подать.

Легко рассчитать, как такие расселения облегчать труд земледельцу. Если в селе 500 дворов имеют каждый в среднем по 12 десятин, значит весь надел общины составляет 6000 десятин или 14.400.000 квадратных сажен. Положим, что усадьбы этого села скучены возле реки и тянутся по длине на три версты, тогда полевые земли должны растянуться на пятнадцать-восемнадцать верст. Если крестьянин съездит в поле за год, положим, 100 раз, у него одни эти поездки (считая половину расстояния) составят 1500—1800 верст, а если ему придется при этом двигаться с полосы на полосу, да таких полос будет 30—40, то его поездки составят вдвое больше—3000 верст.

Теперь положим, что это село разбилось на 20 отрубных поселков. Усадьбы каждого поселка, уже не привязанные к реке, расположились посвободнее — в середине, а не на краю полевого надела. Полевой надел каждого поселка — 300 десятин или 720.000 квадратных саженей. Усадьба в 25 дворов длиной, положим, с полверсты лежит посредине поля—с одной стороны площадь в 360.000 кв. саж. и с другой такая же. Стало быть, до дальнего конца поля будет самое большее 720 саженей или 1,4 версты, а если поле квадратное или близкое к кругу, а усадьбы лежат посередине квадрата либо круга, то край надела будет находиться от усадьбы саженях в 300—400. Положим, что рас-

стояние это будет равняться версте; тогда при ста поездках на свой отруб и обратно (взяв опять половину расстояния) мы получаем только сто верст вместо трех тысяч—в тридцать раз меньше.

Ну-ка, попробуйте теперь каждый, живущий в большом селе, сделать расчет, во что обойдется ему возка снопов, навоза, семян и прочего при расстоянии в пятнадцать верст и в одну версту. Ясно, что времени и труда у каждого члена земельного товарищества сбережется столько, что на одной и той же лошади он в отрубном поселке сумеет вспахать свой клочок два и три раза, сдвоить и строить пар, удобрить все поле—глядишь и урожай у него будет вместо 40 пудов—восемьдесят, а труда не прибавится нисколько.

Для подготовки к переходу на отрубные поселки земельные товарищества наиболее пригодны. Но и в тех случаях, когда произойдет хуторское расселение—у хуторян зачастую остаются участки общего пользования—особенно пастбища и сенокосы. Такие общие угодья у хуторян и отрубников на банковской земле составляли около десятой части всей площади. Много таких общих земель встречается в подворно-чересполосных селениях. Для того, чтобы установить порядок пользования такими общими землями и чтобы улучшить их качество, следует также образовать земельные товарищества.

Итак, земельные товарищества при землеустройстве образуются:

1) для сверстывания чересполосных наделов в отрубные и широкополосные,

2) для подготовки к переходу на отрубные поселки,

3) для совместного пользования неразделенными луговыми и пастбищными угодьями при хуторском и подворном владении.

2. Деятельность земельных товариществ при земельных улучшениях (мелиорации).

Земельные улучшения или, по ученому, мелиорации—дело в России новое. Но за границей мелиоративные работы ведутся давно, в очень больших размерах и главным образом не отдельными хозяевами, помещиками, либо крупными хуторянами, а наоборот—товариществами из крестьян-средняков. В Пруссии, которая составляет около половины всей Германии, было образовано 4690 водных товариществ, осушивших и оросивших более трех

миллионов десятин земли, израсходовав на это дело до 180 миллионов рублей; в Италии—около 900, сделавших удобными миллионы десятин бросовых земель; во Франции 1040 товариществ; в Австрии 809 и т. д. В Америке искусственное орошение производится акционерными компаниями, которые орошают участки хуторян-фермеров. В 1907 г. орошалось 167 тысяч хуторов с площадью около трех с половиной миллионов десятин. Как выгодно это дело—видно из того, что одно немецкое товарищество получало со всего участка до орошения 16 копен с десятины, а после—48 копен. Таких примеров можно привести множество.

В России мелиоративные товарищества или товарищества земельных улучшений начали образовываться только в самое последнее время. Пока известно только 108 таких товариществ объединяющих всего 800 крестьянских хозяйств. Но эти сведения неполны—другие считают, что таких товариществ всего 250,но и это, конечно, капля в море. По за-граничному образцу, у нас должны быть десятки тысяч земельно-мелиоративных товариществ—и они народятся в скорости в большом числе.

Народятся они в разных областях России по разным причинам. В нечерноземной полосе уже давно не хватало лугов, тогда как за последние годы здесь особенно быстро развилось молочное скотоводство. В России вообще лугов очень мало: так в Финляндии на 100 десятин пашни приходится 217 десятин луга, в Англии—204 дес., в Австрии—67, в Италии—68, а в России приходится только 38 десятин. Между тем в нечерноземных губерниях имеется 18 миллионов десятин болот, которые довольно легко осушить и превратить в урожайные сенокосы. Теперь, вдобавок, благодаря тому, что перевозить хлеб с юга на север стало трудно—железные дороги расхудились, да и земледелие на юге—потрясено, в нечерноземной полосе расширяются понемногу посевные площади, стало быть и пахотная и сенокосная земля нечерноземному крестьянину становится нужнее, а с тех пор, как помещичьи имения поделены, новую землю можно отыскать только посредством превращения в угодия разных неудобиц.

Уже и в прежнее время крестьянские общины производили кое-где «всем миром» большие мелиорации. Так в 1860 годах в Олонецком уезде 33 деревни (всего 837 ревизских душ), нуждаясь в сене, решили осушить большое болото. Два года они всем миром проводили канавы, два года выжигали осушенную площадь, а потом засеяли хлебом, сняли три «обломных» урожая, а потом

запустили под покос, который не только покрывал их собственные нужды в сене, но и давал им 500.000 пудов на продажу каждый год. Осушение болот до войны стоило недорого: в западном Полесье, где были произведены большие осушительные работы, осушка одной десятины обошлась в 10 руб. 60 к., в промышленной области в 12 руб. 77 коп., и в Полтавской губ.—в 14 руб.

Но в два-три года все расходы окупались, а иногда урожай сена покрывал их в один год. В Новгородской губ. с осушенных болот собирали 260 пуд., а с лугов 90 пудов.

Еще большее значение должны иметь мелиорации на юге, особенно в засушливых местностях Поволжья, где нынче разразились такие страшные неурожаи и голодовка. Там крестьяне теперь готовы на всякие жертвы, лишь бы избавиться от грозной беды в будущем. Но не только юго-восток, а и почти весь черноземный юг страдает от недостатка воды. Была бы вода, плодородные земли сразу дадут вдвое большие урожаи.

Но на юге не только мало дождей и снегов падает с неба—мало и грунтовых вод. Реки там большие, но редкие, а между течениями таких рек лежат сухие широкие водоразделы. Оросить из рек все пространство водораздельных степей слишком дорого, да и воды не хватит.

Надобно задержать на полях весеннюю влагу, чтобы она быстро не стекала в реки, а из рек в моря. Задержка весенней воды на полях—запрудами—«лиманное» орошение обходилось в Самарской губ. 22—40 руб., на десятину, а давало подъем урожая иногда на 50—60 пуд., а то и на 100 пудов с десятины. Так в голодный год у одного владельца при лиманном орошении получилось 160 пуд. пшеницы, а у соседних крестьян 17 пуд.

Вблизи от рек можно оросить землю, поднимая воду машинами и ветряками, либо плотинами и каналами. Но это дело дорогое и доступно лишь для садов и огородов.

Очень важная на юге мелиорация—обращение оврагов в пруды. Овраги на юге растут, как грибы, отнимая пашню и унося почвенную воду без пользы с полей. В Саратовской губернии под оврагами 55 тыс. дес., в Подольской более 100 тыс. дес, в Павловском уезде Воронежской губ. в 1890 году было 10 тыс. дес., а через 12 лет в 1902 году—около 20 тыс. дес. Средство борьбы с оврагами—закрепление их запрудами и посадкой деревьев по краям. Тогда овраги превращаются в пруды.

При расселении больших сел на отрубные поселки следовало бы обратить особое внимание на обращение оврагов в водоемы для скота. Тогда расселяться бы было гораздо легче.

Еще одно зло юга — летучие и сыпучие пески. Их 4,5 миллиона десятин, и каждый год они засыпают еще 50.000 десятин. Бороться с сыпучими песками можно при помощи насаждения ивняка, шелюги и сосны.

В иных местах, как в Туркестане, все земледелие стоит на искусственном орошении. Там 160 милл. дес. безводной пустыни и только 3 милл. орошено, но на этих 3 милл. дес. сидит несколько миллионов душ земледельцев, засевающих ценное растение — хлопчатник, дающий пряжу для мануфактурных фабрик всей России. Нет хлопка, и одеваться нам не во что будет, как теперь.

Вот, значит, какое важное дело мелиорации.

«Земля не резина, ее не растянешь». А вот мелиорациями, как и улучшениями в хозяйстве, можно растянуть землю, обратив 18 милл. десятин неудобной на севере и 14 милл. дес. на юге, всего 32 миллиона десятин в удобные. А главное—урожаи на осушенных и орошенных землях не только высокие, а и устойчивые—не падают вниз в засушливые годы. За границей, как мы видели, мелиоративное дело делается не отдельными хозяевами, а, главным образом, товариществами крестьян. Товарищества нужны потому, что, во-первых, в одиночку таких больших работ, какие требуются для осушения болот, для орошения земель, закрепления оврагов и пр.—не осилить.

Во-2-х, кредит, т.е. денежные ссуды, требующиеся для покрытия расходов по мелиорациям, легче получать товариществу, чем одиночным хозяевам. К артели, связанной круговой порукой, у тех учреждений, которые дают ссуду—больше доверия: в 3-х, устройство земельно-мелиоративных т-в особенно важно еще и потому, что в ближайшие годы можно опять ожидать распадения общины. В прежнее время если и делались такие мелиоративные работы, то большей частью общинниками, потому что в подворных селениях для производства этих работ не было согласия всех хозяев, а в общине, если большинство крестьян согласились, то и меньшинство несогласных заставляют участвовать в мелиорациях. А хуторян и отрубников силком не заставишь работать на общую пользу. За границей, хотя там и частная собственность на землю, но если образовалось товарищество, оно

может заставить принудительно несогласного крестьянина провести через его участок канаву, дорогу или оросительный канал. Это заграничное правило следует внести в устав наших земельно-мелиоративных товариществ, которые необходимо выработать как можно скорее.

Осушив или оросив предоставленный товариществу участок земли, следует затем передавать его в надельное пользование. Такое правило будет особенно важно при переселении в Сибирь, в Туркестан и в Закавказье. Многие крестьяне думают, что в Сибири свободных удобных земель сотни миллионов десятин. Это такая же ошибка, как и надежда на то, что раздел господских земель каждого крестьянина сделает чуть ли не помещиком. Правда, в Сибири можно еще разыскать много вольных незанятых земель, но вся беда в том, что для заселения без мелиорации они мало пригодны. Сейчас в государственном запасе в Сибири имеется 618 тыс. душевых участков, но из них пригодны для немедленного заселения только 148 тыс., а остальные 470 тыс. требуют сначала либо осушения болот, либо иных мелиораций. Дело в том, что земельные запасы Сибири остались либо на севере, в дремучей болотной тайге, где нужно сначала выкорчевать лес и провести осушительные канавы, либо на юге, в киргизских безводных и маловодных степях, где нужно по крайней мере вырыть колодцы и копать для питья людей и скота.

В Забайкалье переселенцы сами, без помощи правительства образовали артели, которые сообща закупили скот, семена и орудия, выкорчевали лес, осушили болота, вырыли колодцы, проводили дороги, строили избы, в первые годы водворения, иногда сообща обрабатывали землю, потому что скот и орудия были не у всех переселенцев. У одного была лошадь, плуг, у другого—веялка у третьего—артелью, то выходило дело ладнее—инвентаря на всех хватало.

Вот такие переселенческие артели следовало бы завести всем переселенцам.

Итак, земельно-мелиоративные товарищества должны, во 1-х, осушить и оросить неудобные земли, находящиеся в их наделах, либо предоставленные им в пользование государством из земельного запаса. Во 2-х, подготовлять участки для переселения и расселения; в 3-х, для этой цели они должны получать долгосрочные ссуды от казны, от кооперативов, или от особого мелиоративного банка.

3. Товарищества по земельному обороту.

У нас нет частной собственности на землю. Вся земля принадлежит государству, а трудовые земледельцы получают ее от государства только в бессрочное пользование.

Однако земельный оборот, т.-е., переход земли от одних хозяев к другим, существует и не может быт уничтожен, потому что состав крестьянских семей-хозяйств постоянно меняется. У одних члены семьи умирают, у других размножаются, в одних семьях прибавляются работники, в других убывают, третьи уходят на заработки в город, переселяются и т. д. Изменяется семейный состав,—должны изменяться и земельные участки, предоставленные отдельным семьям. Изменение размеров земельных участков, т.-е. земельный оборот, кроме общинных переделов, происходит у нас еще: во 1-х, когда семья вымирает вся, или переселяется в город, в Сибирь и т. д. Тогда весь участок земли переходит в распоряжение волостного земельного отдела, который передает его нуждающимся в земле. Во 2-х, при семейных разделах, когда участок делится между старой и новой семьей и в-3-х, когда семья ослабела, всего надела обработать не может и часть его сдает в аренду другим хозяевам. При семейных разделах большая опасность возникает от чрезмерного дробления участков. Наше российское зло в земельном вопросе больше всего происходило от малоземелья. Правда, от малоземелья помогает улучшение земледелия. Мы говорили вначале, что поднять урожай в России с 40 до 80 пудов—это все равно, что прибавить крестьянам 100 мил. дес. пашни. Но быстрого улучшения земледелия всем сразу сделать нельзя: сельское хозяйство вообще улучшается постепенно, а потому очень сильное измельчание участков не помогает, а вредит развитию сельского хозяйства. Малоземельные хозяйства слабосильны, не могут находить средств, нужных для улучшения земледелия, не могут завести хороший инвентарь, скот, им не хватает хлеба на пропитание, среди них больше больных, смертность выше, дети не учатся в школах—словом, от малоземелья большой вред и самим крестьянам и государству.

Теперь для покрытия земельной нужды свободных удобных земель почти не осталось. Значит, уберечься от малоземелья крестьянам можно только, *избегая дробления* их участков.

А больше всего участки дробятся при семейных разделах. Стало быть, тем крестьянам, которые и без того имеют небольшие наделы, следует избегать дробления земли при семейных разделах. Запретить разделы семей—нельзя, все равно нас никто не послушает. Трудно также запретить законом дробление земли малоземельным. За границей есть много законов о недроблении крестьянских земель. Очень часто, например, в Германии, каждый крестьянин, который пожелает, заявляет подлежащим властям о том, что он больше не хочет дробить своего участка, а после его смерти этот участок должен перейти целиком старшему в его роде.

Это заявление заносится в особую книгу единонаследия. И у нас надобно ввести такой закон о добровольном, а не о принудительном единонаследии.

Многие крестьяне, может-быть, охотно бы приняли этот закон, но весь вопрос в том, как вознаградить выделяющегося члена семьи, если не делить с ним земельный надел? Вот тут и должно помочь земельное товарищество, берущее на себя страхование земельных наделов от дробления.

Товарищества могут помочь: 1) если они будут разыскивать землю на стороне: например, таким товариществам волостные земорганы могут передавать выморочные участки, оставшиеся от уходцев на сторону, из государственного запаса и так далее. 2) если земли не будет, на обязанности земельного товарищества лежит разыскать и получить ссуду, под залог своего инвентаря и др. имущества.

При помощи такого поземельного кредита нетрудно выплатить сонаследникам, сколько им причитается за лишение их доли земельного надела.

Вот главный вид товариществ по земельному обороту. Второй вид—арендные товарищества. До революции у нас аренда господских земель была очень широко развита.

Арендовалось около 28 милл. дес. пашни и сенокосов помещичьих, купеческих, удельных, монастырских, городских казенных земель. Теперь почти все эти земли отошли крестьянам в наделы. Внутринадельная аренда крестьян производилась на площади 5—6 милл. дес. Теперь она, должно быть, будет расти. Сейчас, с сокращением посевной площади, много незапаханных «пустаков». На юго-востоке, после голода 1921 года останется

множество участков совсем без хозяев, которые вымерли или переселились. Кроме того, в аренду сдаются совхозы, с хозяйством которых не совладали местные земорганы. В аренду же поступают часто земли государственного запаса. Во всех этих случаях для правительства и местных органов лучше всего сдавать пустующие участки не отдельным крестьянам, а земельным товариществам. Арендные товарищества очень широко распространились за границей—в Италии, Румынии *), за последнее время—в Англии. Они не только снимают землю сообща, но иногда сообща ее обрабатывают, ставят на арендной земле хозяйственные постройки, строят мельницы и разные заводы.

У нас до войны тоже образовалось до 150 арендных товариществ. Одно из таких товариществ в Полтавской губ. заарендовало 260 дес. и товарищи повели общую обработку земли усовершенствованным способом при помощи земского агронома. Всю работу вели члены товарищества, за которыми наблюдали дежурившие комитетчики, а если кто не работал, тому предлагали уходить из товарищества. Другое большое товарищество Александровское в Таврической губ. заарендовало 1200 дес. на 10 лет. В кредит товарищество помогло своим членам возвести постройки, приобрести скот, инвентарь; пригласило агронома, который ввел правильный севооборот—различные масличные растения, свеклу, кормовые травы. Устроили маслобойный завод, от которого имели 130 тыс. руб. выручки. Плуги самых лучших заводов, пружинные, дисковые бороны, сеялки, культиваторы, сноповязалки, жнейки, паровые молотилки,—все у них в полном ходу, доступно самому бедному члену артели, у которой урожай небывалый—200 пуд. на десятину. Во время войны товарищество помогало окрестным крестьянам, и в округе все поля были обработаны, хлеб убран и обмолочен на 3 паровых молотилках и продан через товарищество.

Итак, товарищества по земельному обороту необходимы:

а) Для страхования земельных наделов от дробления.

б) Для совместной аренды и обработки земли.

---

*) В Румынии было 550 арендных товариществ, арендовавших более 100 тыс. десятин, в Италии 83 т-ва—27 т. дес., в Англии товарищества арендовали 30 тыс. дес., но эти сведения старые—теперь земельные товарищества заграницей арендуют значительно больше.

4. Земельные товарищества в деле улучшения сельского хозяйства.

Сельско-хозяйственные улучшения производятся, большей частью, особыми кооперативами; но так как при этом без земли не обойдешься, то мы перечислим вкратце те виды сельско-хозяйственной кооперации, при которых могут возникать земельные товарищества, т.-е., при которых требуется соединить земельные участки хозяев в одно целое. Такое соединение нужно: 1) при применении крупных машин, например, тракторов. Трактор—большая машина—механический плуг, который пашет без лошадей, обрабатывая в день 10-15 десятин, тогда как сохою можно вспахать полдесятины в день, и простым плугом—три четверти. Трактор стоит очень дорого—приобрести одному его не под силу, а между тем у нас сейчас лошадей так мало во многих местах, что тракторы, купленные при помощи товариществ для совместной обработки, могли бы распространиться широко, как и в Америке.

2) Если крестьяне захотят сообща посеять новое растение—кормовую свеклу, кукурузу, или что-либо подобное—им необходимо также выделить из общины, либо подворных наделов особый участок. Так, например, в Уфимской губ. в 1918 году образовалось крестьянское паевое т-во «Клевер», засеявшее сообща 22 дес. Дележ урожая производили по паям.

3) Очень были бы выгодны луговые товарищества, которые могут заняться улучшением лугов и разведением на них молочного скотоводства. В коренной России свободных лугов мало, но, напр., в Сибири, на Алтайских горах несколько миллионов десятин прекрасного луга пропадает почти даром—на них, и то не всегда, летом киргизы пасут скот. Правда, там место высокое, хлеб родится плохо, оттого переселенцы и не занимают этих земель. Но зато для скота полное раздолье. И кто из крестьян пожелал бы завести товарищество «горно-скотоводческого хозяйства», мы можем сообщить, что в семипалатинском губземотделе уже выработан для таких товариществ примерный устав.

Можно бы привести и разные другие случаи, когда с сельско-хозяйственными улучшениями необходимо связать товарищеское объединение земли, но и этого довольно.

Итак, вот что такое земельные товарищества! Это вольные союзы крестьян, которые пожелают со-

общая наладить правильное землеустройство, мелиорировать (осушить, или оросить) неудобные земли — свои и государственные, уберечь своих членов от распыления наделов, сообща обработать пашню трактором, ввести новые посевы ценных растений и т.д. Такие товарищества могут образоваться с выделом и без выдела из общины. Они могут, не выделяясь из общины, переверстать наделы, как им удобнее, не дожидаясь общих переделов, если этим они не помешают хозяйству остальных членов общины. Для производства разных улучшений в сельском хозяйстве, для аренды земель, для снабжения деньгами и имуществом уходящих на сторону членов, для переселения,—они могут получать кредит в разных формах: сельско-хозяйственный, мелиоративный и поземельный.

Чем больше народятся в России таких товариществ, тем скорее Россия—самая отсталая земледельческая страна—нагонит Европу. А нагнать Европу нам необходимо, ибо иначе европейские капиталисты смогут закабалить нас на долгие годы. И работая для себя, земельные товарищества будут одновременно работать для всего русского народа.

Шире же дорогу вольным земельным товариществам, в которых объединиться передовое крестьянство России.